

Что такое талант? Талант есть, во-первых, преползанная вещь. Литературный талант, например, есть способность сказать или выразить хорошо там, где бездарность скажет и выразит дурно.

...Вся глубина, все содержание художественного произведения заключается, стало быть, только в типах и характерах.

Мне кажется, что нет святого самоотверженника, как поэт. Как можно делиться своим восторгом с бумагой? Душа всегда затаит более, нежели сколько может выразить в словах, красках или звуках. Оттого трудно исполнить идею творчества.

Этот мой роман («Бедные люди»), от которого я никак не могу отвязаться, задал мне такой работы, что если бы знал, так не начинал бы его совсем. Я вздумал его еще раз переправлять, и, ей-богу, к лучшему: он чуть не вдвое выиграл. Но уж теперь он кончен, и эта переправка была последняя. Я слово дал до него не дотрагиваться. Участь первых произведений всегда такова — их переправляешь до бесконечности.

Я давно положил за правило, что если закрадывается сомнение, то бросать работу, потому что работа при сомнении никуда не годится.

Но что у тебя за теория, друг мой, что картина должна быть написана сразу и проч., и проч., и проч.? Когда ты в этом убедился? Поверь, что везде нужен труд, и огромный. Поверь, что легкое, изящное стихотворение Пушкина, в несколько строчек, потому и кажется написанным сразу, что оно слишком долго клеилось и перемарывалось у Пушкина. Это факты. Гоголь восемь лет писал «Мертвые души». Все, что написано сразу, — все было незрелое... Ты явно смешиваешь вдохновение, т. е. первое, мгновенное создание картины или движения в душе (что всегда так и делается), с работой. Я, например, сцену тотчас же и записываю так, как она мне явилась впервые, и рад ей; но потом целые месяцы, годы обрабатываю ее, вдохновляясь ею ПО НЕСКОЛЬКУ РАЗ, а не один (потому что люблю эту сцену) и несколько раз прибавлю к ней или убавлю что-нибудь, как уже и было у меня, и поверь, что вышло гораздо лучше. Было бы вдохновение. Без вдохновения, конечно, ничего не будет.

Я заметил, что в тесной квартире даже и мыслям тесно. Я же, когда обдумывал свои будущие повести, всегда любил ходить взад и вперед по комнате. Кстати: мне всегда приятнее было обдумывать мои сочинения и мечтать, как они у меня напишутся, чем в самом деле писать их, и, право, это было не от лени.

Нет! Если я был счастлив когда-нибудь, то это даже и не во время первых умоительных минут моего успеха, а тогда, когда еще я не читал и не показывал никому моей рукописи: в те долгие ночи, среди восторженных надежд и мечтаний и страстной любви к труду; когда я сжил с моей фантазией, с лицами, которых сам создал, как с родными, как будто с действительно существующими; любил их, радовался и печалился с ними, а подчас даже и плакал самыми искренними слезами над незатейливым героем моим.

...Величайшее умение писателя — это уметь вычеркивать. Кто умеет и кто в силах СВОЕ вычеркивать, тот далеко пойдет. Все великие писатели писали чрезвычайно сжато. А главное — не повторять уже сказанного или без того всем понятного.

Я убежден, что ни единый из литераторов наших, бывших и живущих, не писал под такими условиями, под которыми я ПОСТОЯННО пишу. Тургенев умер бы от одной мысли. Но если б Вы знали, до какой степени тяжело портить мысль, которая в вас рождалась, приводила вас в энтузиазм, про которую вы сами знаете, что она хороша, — и быть принужденным портить, и сознательно!

...Вы знаете, что такое значит СОЧИНЯТЬ? Нет, слава богу, вы этого не знаете!.. Всегда в голове и в душе у меня мелькает и дает себя чувствовать много зачатых художественных мыслей. Но ведь только мелькает, а нужно полное воплощение, которое всегда происходит нечаянно, и вдруг, но рассчитывать нельзя, когда именно оно произойдет; и затем уже, получив в сердце полный образ, можно приступить к художественному выполнению. Тут уже можно даже и рассчитывать без ошибки

Давно уже мучила меня одна мысль, но я боялся из нее сделать роман, потому что мысль слишком трудная и я к ней не подготовлен, хотя мысль вполне соблазнительная и я люблю ее. Идея эта — **ИЗОБРАЗИТЬ ВПОЛНЕ ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА**. Труднее этого, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно. Вы, конечно, вполне с этим согласитесь. Идея эта и прежде мелькала в некотором художественном образе, но ведь только в НЕКОТОРОМ, а надобен полный. Только отчаянное положение мое принудило меня взять эту невыношенную мысль. Рискнул, как на рулетке: «Может быть, под пером разовьется!» Это непростительно.

И вот почти перед самой отсылкой в редакцию романа («Идиот») мне пришлось забраковать его, потому что он мне перестал нравиться. (А коли перестал нравиться, то нельзя написать хорошо). Я уничтожил много написанного.

...В литературном деле моем есть для меня одна торжественная сторона, моя цель и надежда (и не в достижении славы и денег, а в достижении выполнения синтеза моей художественной и поэтической идеи, то есть в желании высказаться в чем-нибудь, по возможности, вполне, прежде чем умру).

Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и, конечно, о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении. Поэма готова и создалась прежде всего — как и всегда должно быть у романиста. Я возьму отцов и детей по возможности из всех слоев общества и прослежу за детьми с их самого первого детства.

Все, что говорится моим героем (Иваном Карамазовым) в посланной Вам тексте, основано на действительности. Все анекдоты о детях случились, были напечатаны в газетах, и я могу указать, где, — ничего не выдуманно мною. Генерал, затравивший собаками ребенка, и весь факт — действительное происшествие, было опубликовано нынешней зимой, кажется, в «Архиве» и перепечатано во многих газетах.

Особенно прошу хорошенько прокорректировать легенду о ЛУКОВКЕ («Братья Карамазовы»). Эта драгоценность записана мною со слов одной крестьянки, и, уж конечно, ЗАПИСАНА В ПЕРВЫЙ РАЗ. Я, по крайней мере, до сих пор никогда не слышал.

Если есть человек в каторжной работе, то это я. Я был в каторге в Сибири 4 года, но там работа и жизнь была сноснее моей теперешней. С 15 июня по 1 октября я написал до 20 печатных листов романа («Братья Карамазовы») и издал «Дневник писателя» в 3 печат-

Федор ДОСТОЕВСКИЙ

СОБСТВЕННЫЙ СЛОГ

ных листа. И, однако, я не могу писать сплеча, я должен писать художественно.

Вы не поверите, до какой степени я занят день и ночь, как на каторжной работе! Именно — кончаю «Карамазовых», следственно подвожу итог произведению, которым я, по крайней мере, дорожу, ибо много в нем легло меня и моего. Я же и вообще-то работаю нервно, с мукой и заботой. Когда я усиленно работаю, то болел физически. Теперь же подводится итог тому, что три года обдумывалось, составлялось, записывалось... Верите ли, несмотря что уже три года записывалось, — иную главу напишу, да и забракую, и вновь напишу, и вновь напишу. Только вдохновенные места и выйдут зараз, залпом, а остальное все претяжелая работа.

В публике нашей есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет образованности. Не понимают, как можно писать («Бедные люди») таким слогом. Во всем они привыкли видеть року сочинителя; я же моей не показывал. А им и невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может. Роман находят растянутым, а в нем слова лишнего нет.

Говорят, что тон и манера рассказа должны у художника зародиться сами собою. Это правда, но иногда в них сбиваешься и их ищешь.

У каждого автора свой собственный слог, и потому своя собственная грамматика... Мне нет никакого дела до чужих правил! Я ставлю запятую перед ЧТО, где она мне нужна, а где я чувствую, что не надо перед ЧТО ставить запятую, там я не хочу, чтобы мне ее ставили!

У меня каждое лицо говорит своим языком и своими понятиями.

Образить — слово народное, дать образ, восстановить в человеке образ человеческий. Долго пьянствующему говорят, укоряя: «Ты хошь бы образил себя». Слышал от каторжных.

Искусство помогает сильным и могущественным образом человеческому развитию, действуя на человека пластично и образно. Но критика так же естественна и такую же имеет законную роль в деле развития человеческого, как и искусство. Она сознательно разбирает то, что искусство представляет нам только в образах. В критике выражается вся сила, весь сок общественных выводов и убеждений в данный момент.

...Всякий критик должен быть публицистом, в том смысле, что обязанность всякого критика — не только иметь твердые убеждения, но УМЕТЬ и проводить свои убеждения. А эта-то УМЕЛОСТЬ проводить свои убеждения и есть главнейшая СУТЬ всякого публициста.

Чем развитее, чем глубже душа человека, тем и впечатление искусства бывает в ней полнее и истиннее.

Писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему чи-

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. 1880 год.

Фото М. М. ПАНОВА

тателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати. Право, не знаю, чем это объяснить: тут, прямо от читателя, — как бы более правды, как бы более В САМОМ ДЕЛЕ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ

Кто это, Гейне что ли, рассказывал, как он, ребенком, плакал, обливаясь слезами, когда читая «Дон-Кихота», дошел до того места, как победил его презренный и здравомыслящий цирюльник Самсон Караско. Во всем мире нет глубже и сильнее этого СОЧИНЕНИЯ. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек...

«Анна Каренина» есть совершенство как художественное произведение, подвернувшееся как раз кстати, и такое, с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться, а во-вторых, и по идее своей это уже нечто наше, наше СВОЕ родное, а именно то самое, что составляет нашу особенность перед европейским миром, что составляет уже наше национальное «новое слово» или, по крайней мере, начало его, — такое слово, которого именно не слышать в Европе и которое, однако, столь необходимо ей, несмотря на всю ее гордость.

...В европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такой способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт.

Пишет г. (Добролюбов) простым ясным языком, хоть и говорят про него, что он уж слишком жует фразу, прежде чем положить ее в рот читателю. Ему все как будто кажется, что его не понимают. Впрочем, это еще небольшой недостаток. Ясность и простота языка его заслуживают особенного внимания и похвалы в наше время, когда в иных журналах вменяют даже себе в особую честь неясность, тяжелизму и кудреватость слога, вероятно, думая, что если теперь иному критику захочется пить, то он не скажет прямо и просто: «Принеси воды», а скажет, наверно, что-нибудь в таком роде:

— Принеси то существенное начало овлажнения, которое послужит размягчению более твердых элементов, осложнившихся в моем желудке.

...«Дворянское гнездо» Тургенева есть произведение венное и принадлежит всемирной литературе. Почему? Потому что здесь сбывался впервые с необыкновенным достижением и законченностью пророческий сон всех поэтов наших и всех страдающих мыслью русских людей, гадающих о будущем, — сон — слияние оторвавшегося общества русского с душою и силой народной...

Гоголь по силе и глубине смеха ПЕРВЫЙ В МИРЕ (не исключая Мольера)...